

ИСТОРИЯ РЫБОЛОВСТВА И РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 916.04.10.13

РЫБОЛОВСТВО НА АЛЯСКЕ В ПЕРИОД РУССКОЙ АМЕРИКИ

© 2014 г. А. В. Гринёв

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет,
Санкт-Петербург, 195251
E-mail: stu.history@mail.ru

Поступила в редакцию 04.10.2013 г.

Окончательный вариант получен 10.01.2014 г.

В статье впервые в отечественной историографии подробно рассматриваются проблемы развития рыболовства в бывших российских колониях на Аляске (1784–1867).

Ключевые слова: рыболовство, способы и орудия лова рыбы, коренное население Аляски, Русская Америка, Российско-американская компания.

Рыболовство (особенно морское и прибрежное) является одной из основных отраслей экономики современного штата Аляска. Ее богатые рыбные ресурсы отмечали уже первые русские путешественники (Ляпунова, 1979), побывавшие здесь после экспедиции В. И. Беринга—А. И. Чirikова 1741 г., открывшей юго-восточную Аляску и цепь Алеутских островов. В ранних русских источниках упоминались такие ценные виды морской промысловой рыбы, как сельдь, треска, навага, тихоокеанский талеихт (эвлахон, рыба-свеча), палтус и другие (Загоскин, 1956; Хлебников, 1979). Кроме того, ежегодно десятки миллионов лососей идут на нерест из моря в реки Аляски в летне-осенний период. Это пять видов тихоокеанских лососей: нерка или, как ее обычно звали в Русской Америке, «красная рыба», чавыча, горбуша, кета («хайка», или «хайко») и, наконец, кижуч. Время от времени в низовья Юкона и в смежные районы с моря приходят миноги *Lampetra ayresii*, которые считались лакомством у местных эскимосов. В реках и озерах Аляски водятся и чисто пресноводные виды рыб, также бывшие объектом промысла местного населения. Это главным образом сиги, речные налимы, щуки, пресноводные гольцы, речные окуни и др. (Давыдов, 1812; Загоскин, 1956)

Учитывая обилие и разнообразие рыбы на Аляске, неудивительно, что рыболовство имеет здесь уходящие в глубь веков традиции. Археологические находки свидетельствуют о том, что еще предки современных индейцев, алеутов и эскимосов, впервые попав в Новый Свет, активно занимались добычей рыбы. Согласно археологическим данным, культура древних рыболовов и морских зверобоев начала формироваться около 5000 лет тому назад в южной и юго-восточной Аляске, когда климатические и геоморфологические факторы предопределили массовый ход лосося на нерест в реки этого региона. На местах древних поселений американские археологи находят многочисленные наконечники гарпунов, острог, рыболовные крючки, фрагменты сетей и лесок для ужения рыбы (Crowell, 1988).

Особенно много рыбы, прежде всего лосося, добывали коренные жители южной и юго-восточной Аляски, где издревле сложилась богатая культура, базирующаяся на прибрежном рыболовстве. По мнению американских археологов, здесь уже более 3000 лет используются деревянные запоры с рыбными ловушками (Hunt, 2010). Подробное описание такого приспособления оставил лейтенант Л. А. Загоскин, исследовавший в 1840-х гг. бассейны рек Юкон и Кускоквим (Загоскин, 1956). Рыбные запоры были

весьма эффективным средством добычи рыбы. Об этом свидетельствовал унтер-офицер Горного корпуса Дмитрий Тарханов, первым из европейцев зимовавший среди тлинкитов общины Якутат в 1795–1796 гг. В частности, он описал очень своеобразный загонный способ добычи лосося, не зафиксированный в других источниках. Суть его состояла в том, что местные индейцы поднимались на своих деревянных каноэ вверх по течению реки на 1,5 версты и оттуда плыли вниз, колотя по бортам веслами и взбаламучивая гарпунами воду. Испуганная рыба устремлялась вниз к рыбному запору (который Тарханов именовал «засекой»). «Приплывут к самому засеку, — писал Тарханов, — вытащат на берег баты [каноэ], вынимают морды [ловушки] с умножением великим, едва притянут с рыбой к берегу. Вынимают из воды, выкладывают на берег. Несколько облегчат, вытащат морду на берег и тут всю без остатка выгружают. В засеке бывает морд по три и четыре» (ОРРНБ. Лист 64).

Наряду с деревянными запорами туземцы Якутата и кадьякские эскимосы использовали каменные запруды с отверстиями, куда вставлялись ловушки-морды. Особенно широко были распространены каменные запоры на безлесных восточных Алеутских островах (Шелихов, 1971). Побывавший в 1790 г. на острове Уналашка немецкий врач Карл Мерк описал барьер, сделанный алеутами из камней на речке, с проходами, куда алеуты помещали плетенные из ивовых прутьев ловушки конической формы длиной три с половиной фута (Merk, 1980).

Помимо ловли рыбы с помощью стационарных запоров алеуты и эскимосы отправлялись за ней в море на обшитых кожей одно- и двухлючных байдарках (каяках), а индейцы юго-восточной Аляски — тлинкиты и эяки — использовали для прибрежного рыболовства небольшие деревянные каноэ. Внутриматериковые племена атапасков употребляли с той же целью маленькие каноэ, сделанные из березовой коры, на которых они рыбачили в реках и озерах. В открытом море и у морского побережья туземцы добы-

вали рыбу при помощи рыболовных костяных или деревянных (нередко комбинированных) крючков с грузилами, крепившихся к лескам из стеблей морских водорослей или кожаных ремешков. Для ловли рыбы использовали также гарпуны и остроги. Так, трезубые остроги упоминал Дмитрий Тарханов, описывая тлинкитов Якутата, указывая на наличие у них гарпунов с костяными наконечниками, служивших индейцам для добычи кижуча (ОРРНБ. Лист 64–64 об.).

При ловле сельди и эвлахона (рыбы-свечи) во время нереста индейцы юго-восточной Аляски пускали в дело своеобразные «сельдевые грабли», представлявшие собой длинную деревянную планку, конец которой был утыкан острыми зубцами. Кроме того, для ловли рыбы-свечи, лосося, трески и прочих видов индейцы употребляли сети, сплетенные из волокон кедровой или еловой коры, дикой конопли и крапивы (Krause, 1956; Oberg, 1973). Сети использовали также северные эскимосы и внутриматериковые атапаски — при добыче речной рыбы. Последние изготавливали их из ивовой коры или кожаных ремешков, о чем сообщал Загоскин (Загоскин, 1956).

Достаточно широкое применение, особенно среди обитателей южной и юго-восточной Аляски и Алеутских островов, имели рыбные сачки, которые изготавливались из свитых китовых жил, кожаных ремешков или прутьев и закреплялись на обруче, прикрепленном к длинной рукоятке. Их наличие впервые зафиксировали русские промышленники и казаки, осваивавшие во второй половине XVIII в. Алеутскую гряду в поисках калана, чей мех высоко ценился в России и Китае. По наблюдениям Л. А. Загоскина, внутриматериковые индейцы атапаски летом ловили щук и сегов в озерах с помощью сетей и сачков, а на Юконе сачки использовали для ловли чавычи (Загоскин, 1956).

При изобилии рыбы ее всегда запасали впрок на зимний сезон. Для этого туземки чистили ее от чешуи и затем разделявали рыбью тушку с помощью традиционного ножа-пеколки (пикулки), более известного

в этнографической литературе как женский эскимосский нож «улу», современные аналоги которого продаются в сувенирных магазинах Аляски. Такие ножи с широким полукруглым лезвием туземцы выковывали из железа, о чем упоминалось еще в ранних русских источниках при описании восточных Алеутских островов (РЭИТО, 1989).

Разделанные тушки рыбы туземцы обычно сушили на ветру или коптили над огнем. Первый способ преобладал среди алеутов и эскимосов, большинство которых жили на безлесых островах и в арктической тундре, где трудно было собрать достаточно дров для копчения рыбы, а вот среди индейцев, населявших богатую лесами юго-восточную Аляску, копчение было обычным делом. Кроме того, индейцы, а гораздо чаще алеуты и эскимосы, заквашивали рыбу в ямах. Приготовленную подобным способом, ее ели, обмакивая в рыбий, тюлений или китовый жир, поскольку в противном случае она не могла нормально усваиваться и вызывала тяжелое желудочное заболевание. Северные эскимосы нередко замораживали сырую рыбу (нельму, сига, муксуна и др.), употребляя ее затем в виде так называемой «строганины», или «строганины», т.е. небольших стружек, вырезаемых ножом из мороженой рыбы. С приходом русских на Аляске получила распространение засолка рыбы (в первую очередь, сельди и лосося), в то время как туземцы никогда не употребляли соли для консервации продуктов. В Русской Америке рыбу, заготовленную впрок любым способом (кроме посола), называли камчадалским словом «юкола».

Кроме рыбы индейцы юго-восточной Аляски ежегодно запасали в больших количествах ценный рыбий жир. В «Журнале» Тарханова сообщается о заготовке якутатцами жира рыбы-свечи (эвлахона), занимавшего важное место в рационе питания индейцев: «Февраля в первых числах [ловят] сак-рыбу, ... кладут в кучи, чтоб прокисла. Потом в корытах через воду парят калеными камнями и сверху жир ссыпают в посудины и употребляют в пищу. У оной рыбы жир

густой» (ОРРНБ. Лист 64—64 об.). Этот жир тлинкиты не только ели с большим количеством продуктов, но и запасали в нем ягоды и съедобные корни на зиму. Более того, жир рыбы-свечи вместе с сушеной рыбой тлинкиты поставляли внутриматериковым атапаскам (Olson, 1936; Oberg, 1973).

Помимо рыбьего жира туземцы охотно запасали высококалорийную рыбу икру. Так, по свидетельству Загоскина, берингоморские эскимосы на зиму закладывали икру в берестяных коробах (Загоскин, 1956). Дмитрий Тарханов писал, что рыбу икру индейцы Якутата варили с ягодами, консервируя ее таким образом на зиму (ОРРНБ. Лист 65—66). Лейтенант Семён Унковский писал в 1815 г. о живших южнее тлинкитах: «Икра сельдей у них ценится весьма дорого, а как оные появляются только в заливе Ситхи, многие американцы [индейцы] приезжают ловить оную из весьма далеких заливов» (Унковский, 2004. С. 113). Индейцы нарезали ветки хвойных деревьев и опускали их с грузилами в море у берега. Выпущенная икра облипала ветки, которые затем вынимали из воды и сушили на солнце или на ветру, после чего околачивали с хвоя и сберегали для дальнейшего употребления (Хлебников, 1985).

Несмотря на обилие рыбы на Аляске, туземцы Русской Америки далеко не всегда имели ее в достаточном количестве. Во-первых, потому что в некоторых регионах рыбные ресурсы были относительно ограничены. Например, Шелихов указывал, что на Крысских о-вах Алеутской гряды рыбы было относительно немного (Шелихов, 1971). А на островах Прибылова, по словам старожила Русской Америки Хлебникова, совершенно отсутствовали лососи, хотя морской рыбы (палтуса, трески, наваги) у побережья островов бывало иногда довольно много (Хлебников, 1979).

Во-вторых, неблагоприятные природные условия и катаклизмы могли очень значительно уменьшить добычу рыбы и ее сохранение местными жителями. Известный мореплаватель В.М. Головин, посе-

тивший Кадьяк в 1818 г., писал: «Нередко случается, что жители бросают в море по 10 и 20 тысяч рыб, которые, будучи развешаны для сушения, от продолжительных дождей испортятся» (Головнин, 1949. С. 330). Русский миссионер И. Е. Вениаминов сообщал, что накануне сильнейшего извержения вулкана на острове Унимак зимой 1825 г. в море в значительном количестве носило полумертвую треску и навагу, а после извержения этой рыбы совсем не ловилось до 1827 г. С этого года она стала опять появляться, но уже в гораздо меньшем количестве (Вениаминов, 1840). Вообще на Алеутских островах, по замечанию Вениаминова, недостаток солнечного света и отсутствие леса не позволяли сушить и коптить рыбу и мясо морских животных в больших количествах, что делало невозможным создание крупных запасов продовольствия на зиму, пополнить которые часто мешали зимние штормы. Неблагоприятные природные явления могли происходить и в других регионах. Загоскин писал по этому поводу: «Но случаются годы, как 1841 и 1843, когда несвоевременными дождями воды Квихпака [Юкона] поддерживаются в июле месяце на такой высоте, что не дозволяют туземцам употреблять запоров — единственного их способа улова морской рыбы. Тогда юколу — этот хлеб северных жителей — променивают за пушные промысла или сравнительно их ценности» (Загоскин, 1956. С. 134).

В-третьих, недостаток продовольствия у аляскинских туземцев зачастую происходил из-за широкого распространения у них так называемой «престижной экономики». В результате созданные в летний сезон запасы пищи (в первую очередь рыбы), очень быстро проедались на престижных пирах в осенне-зимний период. Поэтому достаточно обычным явлением среди аляскинских туземцев были весенние голодовки. Так, К. Т. Хлебников писал об индейцах танаина: «Все дикие [туземцы] от природы ленивы, и хотя главное пропитание их зависит от запаса рыбы, но они никогда о том не стараются: если нужда заставляет его иметь пищу,

то добывает только на день и опять покоится между женами. К зиме запасают не более 300 рыб юколой [на одну семью]; но при наступлении осени начинаются у них игры, на кои созывают столько соседей, сколько смогут прокормить своим запасом. Во все продолжение праздника обедаются умеренно, пляшут и шаманят. По окончании игрушки хозяин дома выносит все свои вещи и, смотря по состоянию [состоятельности], дарит гостей цельными шкурками оленин, ровдуг [дублеными шкурами] или птичьими парками [теплой одеждой из шкурок птиц]. [...] После сего обряда гости, отблагодарив хозяина, переходят к другому, а сам хозяин, провожая их, становится гостем. Таким образом продолжают угощение до тех пор, пока не истребят все запасы провизии» (Хлебников, 1979. С. 49).

Хотя реки и озера внутриматериковой части Аляски богаты рыбой, однако она не играла определяющей роли в жизни местных атапасков (за исключением низовий Юкона), поскольку основу их рациона составляло мясо сухопутных животных. Это отмечал еще промышленник Василий Иванов, первым из европейцев ходивший с озера Илиямна в бассейны рек Кукоковим и Юкон зимой-весной 1792—1793 гг. (Давыдов, 1812).

В целом же к приходу первых европейцев на Аляску и Алеутские острова в XVIII в. рыболовные орудия труда у туземцев, способы лова и консервации рыбы отличались достаточно большим разнообразием и эффективностью. Поэтому русские не стали кардинально менять что-либо в средствах и способах добычи рыбы местным населением, а использовали этот богатый опыт в собственных нуждах. Сами русские промышленники, осваивая Алеутские острова и берега южной Аляски, применяли только неводы, которые привозили с собой с Камчатки или из Охотска. Так, команда зимовавшего на острове Кадьяк судна «Св. Андреян и Наталья» в 1763—1764 гг. добывала рыбу с помощью неводов, причем ее было так много, что хватило бы на продовольствие экипажей нескольких кораблей (РЭИТО, 1989).

Русские, приходя на острова Алеутской гряды в 1740-х — 1780-х гг., а затем и на американский материк и прилегающие острова в поисках ценной пушнины, не только сами ловили рыбу, но чаще получали ее различным способом от местных жителей. Это могли быть периодические подарки в виде свежей или сушеной рыбы. Порой промышленники покупали рыбу у алеутов за бисер, табак, медные котелки и тому подобные вещи, но обычно выдавали их в долг туземцам, в результате чего те обязаны были снабжать русских рыбой во все время пребывания их на том или ином острове. Случалось, правда, что пришельцы силой отбирали у местных жителей их продуктовые запасы без всякого возмещения. Изредка промышленники брали алеутов (добровольно, за долги или насильственно) как опытных рыболовов вместе с байдарками в свои вояжи к другим островам специально для снабжения команды свежей рыбой. Подобным образом действовал, например, мореход Гавриил Пушкарёв на боте «Св. Гавриил», который забрал с собой с островов Атхи и Амли четырех алеутов с двумя женами и детьми для рыбного промысла, когда отправился к полуострову Аляска летом 1761 г. (АРГО. Дело 2. Лист 56).

Поскольку подавляющее большинство русских поселений располагалось на морском побережье, их обеспечение почти целиком базировалось на прибрежном рыболовстве и, прежде всего, на добыче лосося. Сами российские колонии в Новом Свете стали формироваться после завоевания рыбьим купцом Г. И. Шелиховым крупного острова Кадьяк и основания здесь первого постоянного поселения в 1784 г. Вплоть до 1808 г. этот остров оставался центром российских колоний в Америке. Одной из основных задач, стоявших перед Шелиховым наряду с пушным промыслом, было обеспечение своих людей и зависимых туземцев продовольствием. Главным пищевым ресурсом, естественно, была рыба, в изобилии водившаяся на Кадьяке и в прилегающих районах, где также возникли новые русские поселения. Неслучайно, что в «Наставлении» главному

правителю своей компании К. А. Самойлову Шелихов требовал постоянно делать значительные запасы продуктов, а для этого содержать большие сараи для сушки рыбы и специальных рыболовов с неводами при каждом поселении. «Для байдарок и сушки в ненастливое время рыбы большие и нетеклые сараи иметь. Неводники при каждой артели, а где можно и байдары деревянные хорошие содержать...», — писал он Самойлову (Русские открытия ..., 1948. С. 190).

В дальнейшем русские старались по возможности иметь рядом со своими поселениями рыбные речки, где они могли сооружать запоры как наиболее надежное средство обеспечения себя рыбой. Например, когда в 1796 г. новый правитель компании Шелихова А. А. Баранов заложил селение и крепость в окрестностях залива Якутат, то на речках вблизи нового русского поселения были построены два рыбных запора с воротами. У запоров дежурили специальные «запорные сторожа», которые следили за скоплением рыбы, и, когда ее набиралось достаточное количество, вызывали из селения мужчин с неводами (ОРРГБ. Фонд 204. Картон 32. Ед. хранения №4. Лист 15 об.). Согласно индейским преданиям, собранным Ф. де Лагуной, эти запоры вызывали недостаток рыбы у местных индейцев, которым русские не разрешали пользоваться их традиционными рыболовными угодьями. В результате перед индейцами встала угроза голода, о чем также упоминалось в их преданиях. Кроме того, когда они плавали по реке, им часто приходилось перетаскивать волоком тяжелые деревянные каноэ, так как русские открывали запор, только когда проезжал вождь, а с простых индейцев брали за проезд шкуру калана (Laguna, 1972). Это послужило одной из причин восстания индейцев Якутата в августе 1805 г., закончившегося уничтожением русской крепости и селения.

В случае же недостатка рыбных ресурсов русские были вынуждены либо оставлять свои поселения, либо покупать рыбу у местных жителей, либо завозить ее из других поселений в виде юколы. Так, зимой 1796—

1797 г. к Баранову на Кадьяк прибыл на байдаре прапорщик Родионов — начальник недавно основанного Симеоновского селения у мыса Саклинг. Он сообщил правителю, что из-за недостатка рыбы селение там существовать не может (Хлебников, 1835). В результате Симеоновское поселение было эвакуировано в 1797 г. и более не возобновлялось. Основанный значительно позже в 1833 г. Михайловский редут в заливе Нортон, по мнению Л. А. Загоскина, был расположен в месте, проблемном с точки зрения получения продовольствия, в частности рыбы. Он писал, что в лучший рыбный год во время нереста сверх ежедневного употребления командой редута засаливается впрок всего до трехсот тушек кеты, что было явно недостаточно. В результате управляющий редуту вынужден был покупать у туземцев свежую рыбу и юколу в ущерб пушнине. Загоскин отмечал также, что хотя в Колмаковском редуте на реке Кускоквим имелся рыбный запор, где ловились налимы, но их было недостаточно, и потому рыба сюда завозилась с низовий Юкона (Загоскин, 1956).

Поскольку рыба была основным продуктом питания в Русской Америке, ее добыче, переработке и организации запасов администрация Российско-американской компании (РАК — управляла Аляской с 1799 по 1867 гг.) вынуждена была уделять должное внимание. Например, в «Наставлении» А. А. Баранова от 19 апреля 1800 г. начальнику основанной на острове Ситха (Баранова) Михайловской крепости В. Г. Медведникову предписывалось заготавливать как можно больше морской и речной рыбы впрок, а на речке у строившейся крепости сделать новый рыбный запор ниже прежнего. Добытую рыбу Баранов рекомендовал коптить и сушить в специальном сарае, причем ее разделку следовало производить по методу местных тлинкитов. «Но желал бы я, — писал Баранов Медведникову, — чтоб в копчение приготавливалась рыба таким же манером, как и у здешних народов, чисткою и пластанием да и вешанной под сараем и на улице, ежели не половину, хотя треть таким

же образом заготовить для пробы, ибо по кадьякскому приготовлению более половины рыбьего тела бросается тунно» (К истории ..., 1957. С. 104). Кроме того, Баранов советовал принуждать зависимых эскимосов-кадьякцев, оставленных при поселении, добывать зимой рыбу, а если будет соль, то насолить ее несколько бочек. Для добычи рыбы правитель рекомендовал использовать любые средства: удочки, сети, неводы, поставленные ярусами, «кои все благовременно изготовить» (К истории ..., 1957. С. 105).

Основными добытчиками и переработчиками рыбы в российских колониях со второй половины 1780-х и до начала 1820-х гг. были так называемые «каюры». В Русской Америке этим камчадалским словом обозначали зависимых туземных работников, находившихся фактически на положении рабов компании Г. И. Шелихова, а с 1799 г. и РАК, которой царское правительство подчинило свои заокеанские владения. Каюры представляли собой наиболее угнетенную и бесправную часть населения российских колоний, формировавшуюся из бывших туземных рабов, выкупленных или отнятых русскими у их прежних хозяев, а также сирот, военнопленных и преступников. Параллельно существовали «временные каюры», набиравшиеся обычно для работ на компанию в период летнего промыслового сезона. Г. И. Давыдов свидетельствовал по этому поводу: «Из всех народов набираются каюры в вечное услужение Компании. Кадьякские каюры рассылаются по всем селениям Компании в Америке; от чего Коняги [ко-ниагмюты, кадьякцы] терпят более других; ибо обязаны запасать кормовые припасы не токмо для Русских на Кадьяке находящихся, но и в других местах, где по недостатку рыбы или по другим причинам, оных недостает. Сверх сего набирают всюду каюр на время запасаения рыбы и ягод; к зиме же отпускают в селения, дабы избавиться от хлопот одевать и кормить их» (Давыдов, 1812. С. 120–121). К таким «временным каюрам» относились в первую очередь пожилые туземцы, подростки и женщины, которые занимались лов-

лей, чисткой, разделкой и сушкой рыбы для РАК, сбором кореньев и ягод, починкой байдар и другими работами. За свои труды они получали от компании в год по одной птичьей парке и рубахе с торбасами (туземными сапогами).

Организацию добычи рыбы каюрами на острове Кадьяк в начале XIX в. описал иеромонах Гедеон: «Они в половине марта по приказанию байдарщика [начальника артели] утверждают на речках запоры для промысла рыбы, готовят лабазы для сушки оной и начинают неводить в тех местах, где по бухтам рыба появится. Когда же рыба пойдет в речки [на нерест], тогда уже неводить перестают, а отпирают в запоре ворота, где поставляют садки. По наполнении оных рыбою запирают ворота для того, чтоб она вверх не проходила. Ибо рыба она назад в море никогда не возвращается, но всегда силится пробраться на самый преснец [исток] воды» (Гедеон, 1994. С. 79–80).

При каждой артели на Кадьяке и в соседних регионах содержались по несколько каюров для промысла рыбы под надзором байдарщиков или специально назначенных русских промышленников. Иеромонах Гедеон сообщал, что в артели Сапожкова близ Павловской Гавани ежегодно запасали до 30 тыс. штук юколы, а в Игакской артели, неподалеку от которой был устроен запор для ловли рыбы — до 60 тыс. сушеных рыб. В Трехсвятительской артели на юго-западе Кадьяка заготавливали до 90 тыс. штук юколы, в Алитаской артели — до 70 тыс., а в Карлукской — до 300 тыс. (!) (Гедеон, 1994). В Карлуке, как самом «рыбном месте» Кадьяка, для добычи и переработки лосося специально содержали 20 каюр и 18 каюрок, а кроме того, для чистки рыбы дополнительно привлекали 25 женщин из окрестных селений в виде «временных каюрок». На соседнем с Кадьяком острове Афогнак жили 8–10 русских и множество каюр, запасавших юколу из палтусов. Приготовлением юколы для РАК занимались и эскимосы-чугачи, населявшие берега и острова залива Принца Уильяма (РГИА. Лист 9; Давыдов, 1810).

Однако все эти масштабные заготовки не имели рыночного значения, поскольку вся рыбная продукция поступала исключительно на внутреннее потребление и распределялась, а не продавалась исходя из текущих потребностей конкретных поселений и артелей для пропитания русских и туземцев. Согласно архивным данным, большая часть запасенного на Кадьяке продовольствия перевозилась на байдарах сначала в тогдашний колониальный центр — Павловскую Гавань, а оттуда рассылалась по другим колониям. Юкола шла на пропитание русских, самих каюров и частично для снабжения участников промысловых байдарочных флотилий — «партий», которые формировались из зависимых от РАК туземцев для добычи самого ценного пушного зверя — калана.

Для дополнительного снабжения Павловской Гавани свежей рыбой каждую весну администрация РАК рекрутировала от 20 до 40 стариков-туземцев на однолучных байдарках, которые были обязаны ежедневно (если позволяла погода) удить ее до начала хода лосося на нерест в мае (РГИА. Листы 3, 5). За этот труд пожилые туземцы получали в виде вознаграждения птичьей парки — это был для них единственный способ заработать себе теплую одежду.

К добыче рыбы привлекались не только каюры, но и «вольные» туземцы. Это были участники промысловых байдарочных флотилий, которые охотились на калана в окрестностях Кадьяка: они запасали рыбу для артели на острове Укамок, который не имел ни одной речки, но зато изобиловал птицами и сусликами-евражками, из шкурок которых туземки шили теплые и высоко ценившиеся туземцами парки (Давыдов, 1812). Обычно в партии для добычи калана вблизи Кадьяка набирали старых, слабых и юношей-кадьякцев, в то время как молодые, здоровые мужчины охотились на калана в юго-восточной Аляске в районе архипелага Александра, где еще в 1804 г. на острове Ситха был основан Ново-Архангельск, ставший в 1808 г. новой «столицей» Русской Америки.

Начиная с 1818 г. российские колонии в Америке стали возглавлять исключительно офицеры Военно-морского флота. Хорошо образованные и достаточно гуманные, они значительно облегчили жизнь зависимых туземцев. Так, посетивший Уналашку в 1819 г. новый главный правитель С. И. Яновский распорядился оплачивать алеутам каждую добытую для РАК рыбу. По свидетельству главы кругосветной экспедиции капитан-лейтенанта М. Н. Васильева, побывавшего на Уналашке летом 1821 г., компания вознаграждала местных алеутов, выдавая им по 5 коп. за лосося или треску и по 3 коп. за пикшу (В источнике указана «пикша», но она не водится в Тихом океане, а потому речь шла, очевидно, о минтае. — А. Г.) или гольца (РАКИТС, 2005). Кроме того, за чистку и переработку рыбы туземные женщины стали получать от компании небольшую плату, которую раньше выдавали натурой. В депеше Кадыжской конторе РАК от 24 июня 1823 г. сменивший Яновского на посту главного правителя капитан-лейтенант М. И. Муравьев писал, что для заготовления «кормов» на летний сезон требуется нанимать по 30 туземок за плату от 75 до 100 руб., а временным работницам выплачивать по 1,50 руб. в неделю. Главный правитель рекомендовал также поощрять детей-помощников: «При неводьбе и чистке или сушке рыбы помогают часто и дети, таковым я не полагаю денежной платы, а должно их кормить и одарить чем-нибудь наблюдая чтоб сверх сил и по принуждению русских не работали» (NARS. Roll 28. P. 331–332).

Еще более существенным шагом Главного правления (ГП) РАК в Петербурге и колониальной администрации, оказавшим заметное влияние на развитие рыболовства в Русской Америке, стало полное упразднение каюрства в начале 1820-х гг. Одной из важнейших причин этого стало уменьшение добычи калана на северо-западном побережье и, как следствие, сокращение численности байдарочных флотилий РАК, которых каюры должны были обеспечивать всем необходимым. В депеше от 30 декабря 1821 г. в ГП

РАК Муравьев писал: «Когда в Кенайской губе [заливе Кука] было много русских и каюр то по всем рекам зделаны были запоры для рыбы, теперь трудно их поддерживать да и нужды в том большой нету. Индейцы беспечны, то дабы они нетерпели голоду [начальник Николаевского редута] Епифанов посылает в некоторые речки по одному русскому, который с помощью вольных кенайцов [танаина] поправляет запоры и во время ходу рыбы индейцы ими пользуются, за то помогают русским в чистке рыбы. Это есть общая обязанность: весною всегда приходят к редуту много женщин с детьми и просят прокормления — им никогда не отказывают. За что они благодарны и чувствуют одолжение, тоионы [старейшины] мне сами говорили об этом» (РАКИТС, 2005. С. 121).

В связи с уменьшением промысловых байдарочных партий и ликвидацией каюрства, а также общим сокращением численности зависимого туземного населения почти на одну треть по сравнению с началом века общая продуктивность рыболовства РАК на Аляске явно уменьшилась. Если в 1804–1805 гг. только в Карлукской артели на Кадыже заготавливалось ежегодно до 300 тыс. штук юколы, то в начале 1830-х гг., по данным правителя Кадыжской конторы РАК В. И. Кашеварова, все артели острова заготавливали не более этого числа (АРГО. Дело 107. Листы 1–17). Кроме того, как говорилось выше, активная вулканическая деятельность на восточных Алеутских островах в середине 1820-х гг. привела к резкому сокращению популяций морской рыбы и, соответственно, ее добычи местными алеутами.

В этот период рыбу продолжали добывать также на западных Алеутских островах — в так называемом Атхинском отделе колоний, куда входили группы островов Андреяновских, Крысьих, Ближних и Командорских. Однако практически вся пойманная здесь рыба, как и в Уналашкинском отделе, поступала исключительно на внутренние нужды, да и ее было относительно немного, за исключением острова Атхи, где местные алеуты ловили и частично сушили, а частично

засаливали для РАК до 20 тыс. штук лососей и, кроме того, запасали для компании сушеную треску. По словам К. Т. Хлебникова, местная сельдь была так хороша, что если бы ее умели готовить должным образом, то она не уступила бы голландской селедке. Несколько бочек рыбы засаливали также при главном селении на острове Атту в группе Ближних островов (Хлебников, 1979).

В это время Кадыякский отдел продолжал оставаться главным местом рыбного промысла в российских колониях. Как и прежде, добытая по артелям Кадыяка рыба сушилась, после чего часть ее свозилась в Павловскую Гавань. Здесь для снабжения местных жителей свежей рыбой РАК продолжала содержать до 10 двухлюдных байдарок кадыякцев-удильщиков (т.е. 20 человек), которые за свои труды получали уже не парки, а деньги по более высокой таксе, чем в начале 1820-х гг. Так, за каждую треску компания платила им по 10 коп., за калагу (пятнистый получешуйник) — 5, за палтуса — 25 коп. (Хлебников, 1979). В начале 1830-х гг. плата за рыбу была повышена. Правитель Кадыякской конторы РАК В. И. Кашеваров писал, что кадыякцы получали от РАК за большого палтуса 1 руб., за среднего — 75 коп., за малого — 25 коп., за треску по 15 коп. и за калагу — 10 коп., а также готовую пищу от компании, которая включала в себя до 50 юкол, 5 кусков китовины и $\frac{1}{4}$ ведра жира в неделю на одного работника-туземца (АРГО. Дело 107. Листы 19–20).

Активно запасали рыбу во время пугины не только на Кадыяке и в прилегающих районах, но и в других частях Кадыякского отдела, например, в Николаевском редуте на полуострове Кенай, где для снабжения служащих русской фактории рыбу добывали туземным способом — с помощью сачков и рыбного запора с двумя ловушками-мордами, причем распространенных в других частях колоний неводов здесь не употребляли. Всего летом при Николаевском редуте заготавливалось до 30 тыс. штук лососевой юколы (NARS. Roll 37. P. 91; Хлебников, 1979). Самую разнообразную морскую и речную/

озерную рыбу ловили также в Ново-Александровском редуте в устье реки Нушагак с помощью сетей, неводов и сачков, а для чистки и разделки рыбы летом нанимали нескольких местных эскимосок за плату (Хлебников, 1979).

Вторым по значимости заготовки рыбы после Кадыякского отдела была столица российских колоний — Ново-Архангельск (с 1808 г.) вместе с расположенным неподалеку от него Озерским редутом. Последний был основан еще в 1805 г. специально для снабжения рыбой Ново-Архангельска. Здесь на речке, вытекающей из большого озера, был устроен рыбный запор, где в летний сезон вылавливались десятки тысяч лососей, идущих на нерест. Для чистки такого огромного количества рыбы привлекались за плату женщины-туземки, жившие в Ново-Архангельске (преимущественно кадыякские эскимоски, но изредка в переработке рыбы участвовали местные индейки из племени тлинкитов). Сохранились предписания главного правителя М. И. Муравьева Новоархангельской конторе РАК, в которых он рекомендовал заплатить каждой женщине, занятой чисткой рыбы при Озерском редуте, по 40–50 коп. в день (в основном они получали по 15 руб. за месяц работы) (NARS. Roll 29. P. 114–115, 275–276). Кроме того, как свидетельствовал К. Т. Хлебников, «во время зимы алеуты выезжают байдарками удить палтусов, окуней и другую рыбу, из которой, сверх собственного потребления, продают русским треску [по] 50 коп., а палтусы до 3 руб. за штуку, смотря по величине. Можно сказать без преувеличения, что они получают в зиму за рыбу около тысячи рублей» (Хлебников, 1985. С. 183).

Будучи главой Новоархангельской конторы РАК и прожив в столице Русской Америки около 15 лет, Хлебников оставил после себя детальное описание заготовки рыбы в Ново-Архангельске и Озерском редуте: «В феврале и марте появляются у берегов сельди, коих ловят неводом в разных местах близ [Новоархангельской] крепости. Промышленники неохотно употребляют све-

жие, а потому при первом улове оные осаливаются и выдаются уже просоленными. Поколь продолжается ход оных, то беспрестанно осаливается и запасается чанов 6 и 8 или от 20 до 30 бочек; красная рыба [нерка] начинает идти в садки, устроенные при Озерском редуте, сперва понемногу, но с половины июня более и более; за ней следует горбуша, хайко [кета] и потом кижуч. Пока невелик ход рыбы, то засол не начинают, а свежую отправляют оттоль байдарками в [Новоархангельский] порт для продовольствия. С июня начинается засол и продолжается до сентября» (Хлебников, 1985. С. 108). Рыбу не только солили, но и сушили для туземцев РАК — до 10 тыс. штук, хотя и не без труда из-за частых летних дождей и туманов. Впрочем, как отмечал Хлебников, эта сушеная юкола «подвергается истреблению от крыс, так что не более половины сохраниться годной в пищу» (Хлебников, 1985. С. 108).

Помимо заготовки лососей с помощью запора при Озерском редуте летом их ловили неводом вблизи Ново-Архангельска, для чего использовали лодку с командой из 9 человек. Пойманную здесь рыбу употребляли в основном в свежем виде для еды, а кроме того, засаливали от 20 до 30 бочек. Это было, конечно, совсем немного по сравнению с масштабами заготовки рыбы в Озерском редуте, где, например, только в 1828 г. было засолено 51 440 лососей и сельдей. В одну стандартную бочку на 8 пудов входило до 200 нерок и до 100 рыб кижуча или кеты, а на их засол уходило около 5 пудов соли, поэтому ежегодно для Озерского редута требовались сотни бочек. Из-за их недостатка в Ново-Архангельске использовались огромные деревянные лари объемом 3 860 галлонов или 1 158 ведер «русской меры» (Хлебников, 1985. С. 108—109).

После окончания летней путины, начиная с ноября, несколько кадьякцев и алеутов отряжались на одной или двух лодках удить палтусов в район Горячих ключей к югу от Ново-Архангельска с платой по 10 руб. в месяц каждому. В лодке было обычно восемь гребцов-туземцев и два профессиональных рыба-

ка. Согласно выпискам Хлебникова, в 1825—1826 гг. улов составил 860 пудов палтуса, а в 1827—1828 гг. — 945 пудов. Он писал: «Из сей рыбы довольствуют преимущественно госпиталь и потом на команду и чиновников; выдача для команды отпускается в день до 8 пудов» (Хлебников, 1985. С. 109—110).

Кроме того, немало свежей рыбы и других продуктов жители Ново-Архангельска и приказчики РАК покупали у местных индейцев тлинкитов. По данным официальной статистики, приводимой К. Т. Хлебниковым, с 1 января по 1 июня 1831 г. приказчиками РАК было куплено у них 1 376 пудов палтусины, 2 503 рыб трески, 512 штук окуней и камбалы, 25 060 сельдей и корюшки на сотни рублей (Хлебников, 1985).

В стремлении лучше распланировать добычу рыбы колониальное начальство в 1831 г. предписало ежегодно запасать в Озерском редуте 30 тыс. рыб нерки, 10 тыс. горбуши и столько же кижуча (всего — 50 тыс.), для чего требовалась 1 тыс. пудов соли (Хлебников, 1985). Впрочем, при обилии рыбы ее добывали гораздо больше утвержденного плана. Так, в 1839 г. ход лосося на нерест был довольно значителен, и в Ново-Архангельске и Озерском редуте было запасено до 80 тыс. штук юколы и сверх того еще до 150 пудов палтуса и 10 чанов сельди (АРГО. Дело 73. Лист 2).

До середины 1840-х гг. вся рыба, добываемая и перерабатываемая в колониях, шла исключительно на внутреннее потребление. Однако финансовый кризис, охвативший РАК в этот период, заставил директоров компании и администрацию Русской Америки попытаться развивать внешнюю торговлю колониальными товарами (включая рыбу) для увеличения денежных поступлений. Так, в депеше от 6 апреля 1844 г. ГП РАК предписало главному правителю колоний постараться завязать торговые отношения с японцами на Курильских о-вах «колониальными произведениями», в том числе соленой и сушеной рыбой (NARS. Roll 15. P. 239—240). Однако все попытки начать торговлю аляскинской рыбой с Японией окончились

неудачей, так как она до 1854 г. оставалась закрытой для иностранцев страной.

Куда лучшие перспективы открывались перед РАК в ее традиционной торговле с Калифорнией и Гавайскими островами. Главный правитель в 1845–1850 гг. М. Д. Тебеньков в донесении в ГП РАК от 5 мая 1846 г. сообщал о первой попытке продажи «колониальных произведений» на Гавайях, среди которых была и соленая рыба. Она была отправлена туда на бриге РАК «Байкал». Правда, Тебеньков предвидел определенные трудности с ее сбытом на Гавайях, о чем предупреждал директоров РАК: «А насчет рыбы затруднение только может быть одно, что мы худо умеем солить ее. Ныне отправленная рыба приготовлена была с большим старанием, но по привозе на Сандвичевы [Гавайские] острова оказалась немного попортившеюся» (РАКИТС, 2010. С. 136–137). Кроме того, для развития отраслей колониального хозяйства и, в частности, рыболовства, по мнению Тебенькова, необходимы были рабочие-европейцы — русские и финляндцы, а не креолы (метисы) и колоши (тлинкиты). В депеше от 4 декабря 1846 г. он доносил ГП РАК, что отправляет на Гавайи корабль «Наследник Александр» за солью, в которой нуждались колонии. В обмен русские могли предложить 3 тыс. шкур морских котиков, бревна, до 200 пудов железа и другие товары, включая соленую рыбу — 125 бочонков (NARS. Roll 52. P. 125; ОРАКГП, 1848). Это было достаточно выгодно: по подсчетам главного правителя, даже незначительная торговля лесом и рыбой на Гавайях приносит прибыль в оборотном капитале до 60%, о чем он сообщал в донесении от 14 мая 1849 г. в ГП РАК в Петербург (NARS. Roll 55. P. 137–138; РАКИТС, 2010).

Зимой-весной 1847 и 1848 гг. корабль «Наследник Александр» опять ходил на Гавайи для продажи соленой рыбы, леса, котиков и прочих товаров. Регулярное посещение тропических островов судами РАК побудило одного из крупнейших местных предпринимателей Роберта Дженсона (Janion, Starkey & Co) посетить Ново-Архангельск

в 1848 г. и предложить колониальной администрации взаимовыгодную торговлю: РАК поставляла лес, доски и соленую рыбу, а в обмен получала соль, сахар, кофе и т.п. Был определен примерный объем поставок — от 200 до 500 бочонков (по 10 ведер) соленой рыбы. В конце 1849 — начале 1850 гг. барк РАК «Князь Меншиков» ходил на Гавайи с грузом досок и рыбы (100 бочек), а в 1851 г. туда были посланы с русскими товарами, лесом и соленой рыбой еще два судна. Однако торговля с Гавайями постепенно слабела из-за конкуренции англичан, поставлявших на Гавайи рыбу из Британской Колумбии, а также переориентации РАК на Калифорнию, где сбыт рыбы значительно возрос благодаря начавшейся в 1849 г. «золотой лихорадке» (ОРАКГП, 1848, 1849, 1850, 1853; Тихменев, 1863; РАКИТС, 2010).

Сменивший в 1850 г. Тебенькова на посту главного правителя капитан 2-го ранга Н. Я. Розенберг просил директоров РАК прислать в колонии дополнительно 800 русских работников для развития здесь рыбной, лесной, ледяной и угольной отраслей. Но ГП отклонило его просьбу, ссылаясь на слишком большие затраты из-за транспортных издержек и проблем со снабжением этих рабочих дефицитным хлебом. Розенбергу предписывалось опираться на внутренние ресурсы, используя в первую очередь дешевый труд туземцев. В депеше от 12 апреля 1852 г. директора писали Розенбергу: «Рыбная промышленность должна производиться исключительно через туземцев за соразмерную с продажными ценами плату с выдачею им сверх того, если бы оказалось нужным, сетей и прочих принадлежностей ловли от Компании. Также и купорное производство [бочек], требующее преимущественно терпения и навыка без особых усилий, должно быть непременно водворено между туземцами, и в этом отношении колониальное начальство должно пользоваться пребыванием в Ново-Архангельске наших китоловных судов, на которых будет всегда находиться достаточное число искусных купоров. При благоразумном применении сих указаний колониальным на-

чальством рыбный промысел может получить неограниченное развитие» (РАКИТС, 2010. С. 207–208).

Со своей стороны колониальная администрация старалась по возможности отплавлять рыбу на экспорт, тем более что в договоре, заключенном 1(13) июня 1854 г. с банкиром и предпринимателем Биверли Сандерсом из Сан-Франциско, оговаривались поставки в Калифорнию аляскинского льда, леса, угля и рыбы. Торговля первоначально шла довольно успешно, но в 1856 г. спрос на лес и рыбу в Калифорнии упал, в результате чего американская сторона прервала свои операции и попросила снять с себя часть обязательств по заключенному с РАК контракту (ОРАКГП, 1857, 1858). Тем не менее компания периодически посылала соленую рыбу из Ново-Архангельска в Калифорнию и на Гавайи. Например, в 1860 г. на корабле РАК «Николай I» было послано на Гавайи 865 бочонков соленой рыбы, а когда осенью клипер РАК «Царица» отправился из колоний в Кронштадт, то по пути туда он также зашел в Гонолулу для продажи соленой рыбы. Правда, успешному сбыту аляскинского лосося часто мешало низкое качество его засолки, а также недостаток и дороговизна в колониях бочек и соли. Правительственный ревизор деятельности РАК П. Н. Головин писал в 1860 г.: «Для продажи, в прежнее время заготавливалось от 100 до 600 бочек; в 1858 году было заготовлено 1070 бочек; теперь же, по невыгодности сбыта, так как при настоящих средствах посолки, рыба обходится компании довольно дорого — для продажи заготавливается от 300 до 500 бочек» (Головин, 1862. С. 90; ОРАКГП, 1862; Приложения, ... 1863).

Поставки рыбы на экспорт привели к расширению ее заготовки в Ново-Архангельске и Озерском редуте. Если в 1830-х гг. здесь заготавливалось от 50 до 80 тыс. рыб, то в 1863 г. (когда, как говорилось в официальном отчете ГП РАК, «ход рыбы был не очень обилён») служащим компании удалось выловить «всего» 105 тыс. рыб, из них 60 тыс. было посолено и отправлено на прода-

жу (ОРАКГП, 1865). Английский путешественник Фредерик Вимпер, побывавший в Ново-Архангельске в середине 1860-х гг., свидетельствовал, что в окрестностях столицы Русской Америки было развито интенсивное рыболовство и ежегодно добывалось от 100 до 150 тыс. лососей, часть которых экспортировалась на Гавайи и в другие места (Whymper, 1868).

На рыбные богатства Аляски обратили внимание правительственные ревизоры С. А. Костливцов и П. Н. Головин, посланные в 1860 г. от Министерства финансов и Военно-морского ведомства для аудита деятельности РАК в Русской Америке. Как отмечал Костливцов, попечение компании о продовольствии зависимых туземцев не составляло для нее особого труда и издержек, поскольку оно представляло собой преимущественно рыбу, которой в колониях было в избытке, а ее заготовка производилась руками самих же туземцев (Приложения ..., 1863). Для предотвращения зимне-весенних голодовок среди последних РАК запасала за собственный счет юколы и жира на 8 150 руб. ассигнациями в различных отделах колоний. На снабжение колониальных жителей (европейцев и креолов) соленой рыбой в 1850–1859 гг. РАК тратила ежегодно по 28 158 руб. 52 коп. (немного более 8 тыс. руб. серебром). Значительная часть этой суммы приходилась на колониальный центр. Костливцов приводил в своих записках соответствующую финансовую статистику: «По сведениям, собранным на месте, по среднему выводу за 10 лет, в каждый год заготавливается и потребляется в Ново-Архангельском порте и близ лежащем Озерском редуте: соленой рыбы 53 343 штуки, свежей для котла 20 186 штук, соленых сельдей 93¹/₂ ведра и палтусины 2 796 пуд 28 фунтов, всего на сумму по колониальным ценам 12 062 р. ассигн. или 3 446 р. 28⁴/₇ р. сер.» (Приложения ..., 1863. С. 96–97, 188). К 1860 г., по данным П. Н. Головина, в колониях ежегодно добывалось около 550 тыс. рыб, из которых 64 тыс. употреблялось в пищу вскоре после улова, 114 тыс. оса-

ливалось и 380 тыс. высушивалось в виде юколы (Головин, 1862).

По мнению С.А. Костливцова, в перспективе именно рыба будет составлять важнейший источник богатства Русской Америки, поскольку только заготовка рыбы на Кадьяке и Ново-Архангельске и ее продажа на Гавайях могла бы дать РАК от 40 до 50 тыс. долларов ежегодно (50—65 тыс. руб. серебром). Помимо Гавайев, полагал ревизор, аляскинскую рыбу можно было бы сбывать на других рынках — в США, Австралии, Японии, Китае, на Филиппинских островах. Он делал довольно оптимистический вывод: «Рыбный промысел, по мнению моему, должен стать со временем несравненно выше пушного, но необходимо, чтоб на заготовление рыбы употребляли хотя половину того внимания, постоянства и издержек, которые столь щедро расходуются на приобретение мехов» (Приложения ..., 1863. С. 188—190).

Со своей стороны главный правитель колоний в 1859—1864 гг. капитан 1-го ранга И.В. Фуругельм, стараясь обеспечить зависимых от РАК туземцев самым доступным видом продовольствия, распорядился изготовить в каждом селении «общественные неводы» для коллективной ловли рыбы. С его точки зрения, коммерческое рыболовство следовало развивать прежде всего на Кадьяке на реке Карлук, но для этого необходимо было наладить производство бочек, которых в колониях хронически не хватало (ОРАКПП, 1862). В своем отчете по управлению колониями Фуругельм отзывался об их экспортном потенциале следующим образом: «Лес, лёд, уголь и рыба суть единственные статьи нашего там производства. [...] Рыбы соленой в пятилетие моего управления вывезено на продажу всего 2977 бочек на сумму 15 449 долларов» (Фуругельм, 1864. С. 61). По мнению главного правителя, в то время для РАК выгоду может составлять торговля только теми товарами, в производстве которых были задействованы туземцы, а это — лёд и частично рыба, не считая традиционной добычи пушнины.

Еще более скептически относилось к перспективам развития рыбной отрасли на Аляске ГП РАК в Петербурге. В ответ на замечания Костливцова директоры компании писали: «Вообще в виду всех расходов, которых требует рыбная промышленность, рождается вопрос: будет ли полезно оную увеличивать? Компания убеждена в противном, собственно даже потому, что сбыт ее не может считаться обеспеченным. До самого С.-Франциско рыбы можно найти довольно, и на Сандвичевых островах, как в климате жарком, расход на нее невелик; к тому же рыбу привозят туда и англичане. По сей причине рыбу отправляют на Сандвичевы острова только тогда, когда сделается известно о имеющейся там на ее потребности. Суда Компании ходят туда издавна, и торговля эта не требует никакого нового опыта. Одним словом, постоянная рыбная торговля в значительном размере положительно невозможна» (Приложения ..., 1863. С. 509). Неудивительно, что в 1866 г., накануне уступки Аляски США, прибыль РАК от продажи рыбы и леса была крайне невелика и равнялась примерно 10 000 руб. серебром (самая незначительная статья дохода), в то время как от продажи льда в Калифорнии компания выручила почти в 6 раз больше — 57 200 руб. серебром, а от сбыта аляскинской пушнины — около 358 000 руб. серебром (РАКИТС, 2010).

В то время как руководство РАК не желало вкладывать капитал в развитие рыбной отрасли на Аляске, интерес к морским богатствам края с 1860-х гг. стали проявлять предприимчивые янки. Еще до продажи Аляски США в 1867 г. американские рыбаки начали вести добычу трески, сельди и палтуса у побережья русских владений в Азии и Америке. Так, в 1865 г. капитан Мэттью Тарнер возвратился из района Шумагинских островов с грузом трески, давшим хорошую прибыль. К 1867 г. уже три американские шхуны занимались ловлей трески у Шумагинских о-вов (Hinckley, 1972). После продажи Россией Аляски ее рыбные ресурсы, наряду с другими естественными богатствами, были названы в качестве весомого аргумен-

та в пользу этого нового приобретения США во время слушаний в американском Конгрессе (Sumner, 1867).

Подводя общий итог можно прийти к следующим выводам. На протяжении всей истории Русской Америки рыболовство оставалось главной жизнеобеспечивающей отраслью экономики российских колоний. При этом русские широко использовали традиционный опыт коренного населения Аляски по добыче и переработке рыбы, не внося в него существенных изменений (за исключением засолки рыбы и консервации в бочках). Вместе с тем после основания первых русских поселений на Аляске и на Алеутских островах в конце XVIII в. интенсивность рыболовства явно увеличилась для обеспечения рыбой как самих поселений, так и байдарочных флотилий и артелей зависимых туземцев, добывавших для русских ценную пушнину. Некоторый спад продуктивности рыболовства в колониях произошел в конце 1810-х — начале 1820-х гг. в связи с уменьшением численности местного населения, сокращением байдарочных флотилий и смягчением эксплуатации зависимых туземцев в этот период. Затем небольшой подъем рыболовства в Русской Америке наблюдался к концу ее существования в связи с попытками РАК выйти на зарубежные рынки с некоторыми видами колониальной продукции, включая рыбу. В целом же рыболовство в Русской Америке обеспечивало в первую очередь внутренние потребности колоний, причем его потенциал использовался компанией и местным населением далеко не в полной мере. Одной из причин этого была слабость менеджмента РАК, который так и не смог вовремя отреагировать на изменение конъюнктуры рынка, переориентироваться с добычи и продажи пушнины и чая на иные отрасли хозяйства, включая рыболовство, бурное развитие которого на Аляске началось уже в американский период ее истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив Русского географического общества (АРГО). Разряд 60. Опись 1. Дела 2, 73, 107.

Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. I. СПб.: Тип. Императ. АН, 1840. 364 с.

Гедеон. Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803—1808 гг. // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Под ред. А.Д. Дридзе, Р.В. Кинжалова. М.: Мысль, 1994. С.39—121.

Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке, составленный капитан-лейтенантом Павлом Николаевичем Головиным. СПб.: Тип. Мор. министерства, 1862. 176 с.

Головнин В.М. Сочинения. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. С приложением описания примечательнейших кораблекрушений, в разные времена претерпленных русскими мореплавателями / Под ред. И.П. Магидовича. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 504 с.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. I. СПб.: Мор. тип., 1810, 287 с.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. II. СПб.: Мор. тип., 1812, 253 с.

Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. / Под ред. М.Б. Черненко и др. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1956. 448 с.

К истории Российско-американской компании / Под ред. А.И. Блинова и др. Красноярск: Краснояр. госархив; Краснояр. госпедин-т, 1957. 181 с.

Ляпунова Р.Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова («Известия» Фёдора Афанасьевича Кулькова 1764 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XX. М.: Наука, 1979. С.97—105.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления (ОРАКГП) за 1847 год. СПб.: Тип. Фишера, 1848. 48 с.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления за 1848 год. СПб.: Тип. Фишера, 1849. 47 с.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления (ОРАКГП) за 1849 год. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженер. части, 1850. 38 с.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления (ОРАКГП) за 1852 год. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженер. части, 1853. 25 с.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления (ОРАКГП) за 1856 год. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженер. части, 1857. 40 с.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления (ОРАКГП) за 1857 год. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженер. части, 1858. 52 с.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления (ОРАКГП) за 1861 год. СПб.: Тип. Р. Голике, 1862. 46 с.

Отчет Российско-Американской компании Главного правления (ОРАКГП) за 1863 год. СПб.: Тип. Э. Треймана, 1865. 46 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОРРНБ). Сборник Q IV. 311.

Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: Тип. Деп-та внеш. торговли, 1863. 613 с.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера (РАКИТС), 1815–1841 / Под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Наука, 2005. 459 с.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера (РАКИТС), 1841–1867: сборник документов / Под ред. А. Ю. Петрова. М.: Наука, 2010. 483 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 13. Опись 2. Дело 1243.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред.

А. И. Андреева. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1948. 379 с.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана (РЭИТО) во второй половине XVIII в. Сборник документов. М.: Наука, 1989. 399 с.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. II. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1863. 388 с.

Унковский С. Я. Записки моряка. 1803–1819 гг. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 272 с.

Фуругельм И. В. Отчет по управлению Российско-американскими колониями с 1859 по 1864 год капитана 1 ранга Фуругельма. СПб.: Тип. Э. Треймана, 1864. 63 с.

Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб.: Мор. тип., 1835. 209 с.

Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Под ред. Р. Г. Ляпуновой, С. Г. Федоровой. Л.: Наука, 1979. 277 с.

Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / Под ред. С. Г. Федоровой. М.: Наука, 1985. 298 с.

Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / Под ред. Б. П. Полевого. Хабаровск: Хабаров. книж. изд-во, 1971. 176 с.

Crowell A. Prehistory of Alaska's Pacific Coast // Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / Eds W. W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington; London: The Smithsonian Institution Press, 1988. P. 130–141.

Hinckley T. C. The Americanization of Alaska, 1867–1897. Palo Alto, California: Pacific Books, 1972. 285 p.

Hunt W. J., Jr. Sitka National Historical Park: The Archeology of the Fort Unit.

- Results of the 2005–2008 Inventory. Lincoln, Nebraska: US Dep. Interior et al., 2010. 276 p.
- Krause A.* The Tlingit Indians. Seattle; London: Univer. of Washington Press, 1956. 310 p.
- Laguna F., de.* Under Mount Saint Elias: The History and Culture of Yakutat Tlingit. Pt. 1–3. Washington: The Smithsonian Institution Press, 1972. 1375 p.
- Merck K.H.* Siberia and Northwestern America 1788–1792. The Journal of Carl Heinrich Merck, Naturalist with the Russian Scientific Expedition Led by Captains Joseph Billings and Gavriil Sarychev. Kingston, Ontario: Limestone Press, 1980. 216 p.
- National Archives and Record Service (NARS), Washington, DC Record Group 261. Microfilm Rolls 15, 28, 29, 37, 52.
- Oberg K.* The Social Economy of the Tlingit Indians. Seattle; London: Univer. of Washington Press, 1973. 146 p.
- Olson R.L.* Some Trading Customs of the Chilkat Tlingit // Essays in Anthropology. Berkeley: Univer. California Press, 1936. P. 211–214.
- Sumner Ch.* Speech of Hon. Charles Sumner, of Massachusetts, on the Cession of Russian America to the United States. Washington: Congress. Globe Office, 1867. 48 p.
- Whymper F.* Travel and Adventure in the Territory of Alaska. London: John Murrey, 1868. 331 p.

FISHING IN ALASKA IN THE PERIOD OF RUSSIAN AMERICA

© 2014 y. A. V. Grinev

St.-Petersburg Polytechnic University, 195251

In this article for the first time in the Russian historiography are researched the problems of the development of fishing in Alaska during the Period of Russian America.

Keywords: fishing, meanings and methods of the fishing, natives of Alaska, Russian America, Russian-American Company.